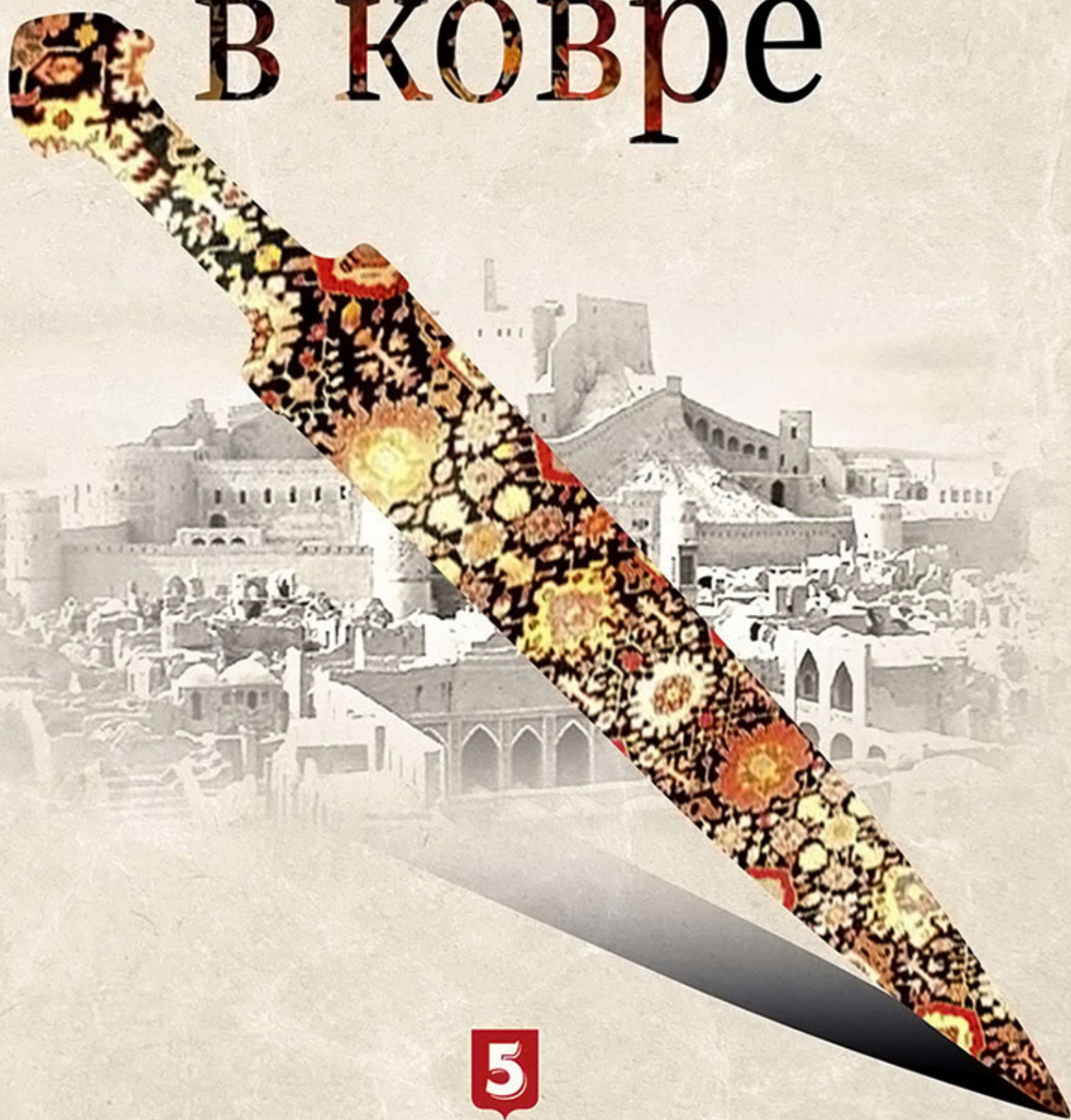

Что бы ты ни думал, ты будешь неправ

Заур Гасанов

Тайник в ковре

ПЯТЫЙ РИМ

Заур Гасанов
Тайник в ковре

Издательство «Пятый Рим»

2019

Гасанов З.

Тайник в ковре / З. Гасанов — Издательство «Пятый Рим», 2019

«Тайник в ковре» – это первая часть трилогии которая описывает один из самых драматических периодов истории исламского мира, а именно начало столкновения на почве противостояния суннизма и шиизма двух великих империй – Османской и Персидской. В те годы на престолы обеих империй взошли молодые и амбициозные лидеры: Сулейман Великолепный и Тахмасиб I из династии Сафавидов. У каждого из этих правителей были сокровенные секреты. Книга расскажет про первую интригу между правителями их секретными службами сопровождавшуюся заговорами и убийствами и другими событиями развивавшимися вокруг таинственного ковра. Как всегда бывает на Востоке интрига непредсказуема: «что бы ты не думал ты будешь неправ».

© Гасанов З., 2019

© Издательство «Пятый Рим», 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Заур Гасанов

Тайник в ковре

© Гасанов З., 2019

© Издательство «Пятый Рим»™, 2019

© ООО «Бестселлер», 2019

* * *

Глава 1

*Лучше вовсе молчать тем, кто речь не ведет о тебе.
Лучше все позабыть, если память пройдет о тебе.¹*

Верблюд никогда не болел. Если уж говорить совсем честно, то почти никогда. Даже если и ухудшалось самочувствие животного, то кочевники и это почитали за благо. Существовала древняя легенда о том, как один верблюд отстал от каравана. Опытный проводник заподозрил, что тот болен. Заглянул ему в пасть, раскрыл веки, покрытые толстым слоем песка, пощупал бока и произнес: «Оставьте его здесь, ему не жить».

Через две недели, возвращаясь назад, торговцы нашли этого верблюда живым и невредимым. Он лежал в странной, дурно пахнущей черной грязи, чем-то походившей на мазь, которую используют для факелов и ламп. Но сколько ни старались ее поджечь, ничего не получалось. Вещество непонятного происхождения не горело. Караванщики из любопытства собрали грязь в бурдюк и забрали с собой, погрузив на чудом излечившегося верблюда. Позже выяснилось, что грязь эта лечит не только верблюдов, но и людей.

Выходит, даже заболевая, верблюд был способен приносить пользу. Это было еще одно чудесное его свойство, помимо выносливости и неприхотливости. А еще – прекрасного зрения и чутья, способности стойко переносить долгие дни путешествий через бескрайнюю пустыню с ее свирепыми, внезапными ветрами и смертельно опасными змеями, пить соленую морскую воду или вовсе без нее обходиться. Все это делало верблюдов идеальными животными пустыни.

Нечто подобное можно было сказать и о нас. Мы не болели, никогда не жаловались и были безотказны во всем, с ранних лет воспитываясь в строгом военном духе. В истории не сохранилось о таких, как мы, практически никаких упоминаний, несмотря на то что многие считали нас главными ее вершителями, ну или попросту хотели в это верить.

Нас можно было встретить у каждого правителя, ни один без нас не обходился. Мы не сражались, не охраняли, не следили за здоровьем Шахиншаха – или, вернее, делали все это понемногу. Мы всегда находились рядом с Повелителем, словно его тень.

Ни одно из малых или больших предприятий избранника Аллаха не свершалось без нашего участия. При дворах могущественных шахиншахов нас называли на персидский лад – «бехишти афсар», что означает – воины рая. Лишь узкий круг приближенной к Повелителю знати был осведомлен о нашем существовании. Мы не были наемниками, скорее тайными слугами, которые подчинялись только Шахиншаху или его главному визирю. Однако и за воинами рая осуществлялся контроль. Век за веком пары невидимых глаз постоянно следили за нами. Существовали и конкретные запреты. Нам нельзя было брать жен из семей приближенных Шахиншаха, занимать какой угодно официальный пост. И если вам скажут, что кто-нибудь из великих властителей пренебрегал нашими услугами – не верьте; даже у самых миролюбивых правителей были слуги моего рода, ибо такие люди необходимы во все времена – как в хорошие, так и в самые ужасные.

Нам отдавали приказы, а мы их выполняли. Мы делали все – убивали, резали, душили, насиловали без тени сомнения. Так выглядела страшная и не очень-то приятная сторона нашей работы. Но была и другая, более увлекательная. Наш Шахиншах не привык слышать «нет». Ведь он являлся первым из слуг Аллаха, а значит, мог все чего не могли остальные. Время от времени подданные – от блистательных придворных до черного люда – должны были лицезреть великолепие его власти. И здесь тоже были востребованы наши таланты.

---

¹ Бейт из «Первого моления о наказании и гневе Божиим», поэма «Сокровищница тайн» Низами Гянджеви в переводе К. Липскерова и С. Шервинского. Здесь и далее эпиграфы из поэм Низами Гянджеви.

Не имея ни титула, ни даже имени, я знал при дворе все и обо всех. Знал кто обладает настоящей силой и могуществом, а кто является всего лишь марионеткой или шутком; знал кто имеет влияние на Повелителя, а кого он лишь терпит ради корыстных целей. Знал даже, к кому Шахиншах питает искреннюю склонность, а ведь таких было очень мало... Кого вспомнить? Вот разве что изысканная и умная Ханыхан-ханум, мать Аликули-хана из племени шамлу, к этой женщине Повелитель относился с почтением. Знал я и кого Шахиншах уже осудил в своем сердце, причем задолго до официальной немилости: так случилось с покойными леле² Див-султаном, Чуха-султаном и пока еще здравствующим, – но это не надолго, – Хусейн-ханом. Все это были люди, приставленные к Повелителю с того момента как он в десятилетнем возрасте вззошел на престол, и люди некогда чрезвычайно могущественные.

Дела при дворе никогда не шли хорошо. Жизнь здесь хоть и казалась благополучной, но на деле все обстояло совсем иначе. У Шахиншаха было не так уж много верных слуг и союзников. Во всяком случае могущественных врагов у него было куда больше. И самым могущественным был османский султан Сулейман Великолепный, что вот уже не первый год вел игру, нацеленную на полное истребление Дома Сефевидов. Сулейман был десятым государем Османской империи, а «Великолепным» его прозвали в том числе за масштабные военные кампании против различных государств. Он совершал длительные завоевательные походы и почти всегда одерживал победу. Он умудрялся воевать и там, и здесь, и на Западе, и на Востоке – так что я бы скорее назвал его вездесущим. Также этот человек прославился как мудрый законодатель. Находясь на пике своей славы, в разгар европейской кампании 1529 года от Р. Х., или 935 года Хиджры, захватывая Балканы и приближаясь к крепостным стенам Вены, султан Сулейман не забывал и про нас.

Его подарок нашему Повелителю – великолепный ковер с изображением Хосрова и Ширин, героев поэмы великого Низами – таил в себе немало секретов, которые не должны были покидать темные сундуки в дафтер-хане³. Наши попытки приподнять завесу над этой тайной вовлекли людей из окружения Тахмасиба⁴ в коварные интриги и превратили их в одержимых подозрениями безумцев.

Одному сказочно красивейшему ковру было предназначено изменить ход истории региона. А моей миссией было раскрыть тайну этого ковра, а еще лучше – понять, кто в действительности стоял за всей игрой, кто дергал за невидимые ниточки могущественных особ в столицах мира, играя ими как марионетками? Что это было – война за земли, за торговые пути, за гаремы, за лучшие умы, за власть и почести? Или мы опять, как это часто бывает, так ничего и не узнаем о том, кто нас вел, куда и зачем?

---

² Леле имел статус регента при малолетних Повелителях, пока они достигали совершеннолетия. Див-султан был вождем могущественного племени румлу, Чуха-султан из племени текали, а Хусейн-хан из племени шамлу, каждый из них защищал интересы своего клана.

³ Шахская секретная канцелярия.

⁴ Тахмасиб (1514–1576) – второй шах Ирана шиитской династии Сефевидов.

Глава 2

*Шел он дальше без спутников, по неизвестной дороге.
Сам теперь он не ведал, куда приведут его ноги.*

Восток любит тишину.

В Империи серьезные дела делались если не молча, то по крайней мере вполголоса. У красивого трона Шахиншаха во время меджлис-и а'ла⁵ собирались приближенные Тахмасиба. Чинно выслушивая всех, Шахиншах принимал важные государственные решения. Точно так же на этом троне принимал решения отец Повелителя, Шахиншах Исмаил⁶ – человек, который навеки изменил судьбу мусульманского мира, встав во главе кызылбашей⁷, тюркских племен что сделали своим знаменем шиизм. Еще полвека назад влияние секты шейха Джунейда,⁸ деда Исмаила, не выходило за пределы их вотчины, города Ардебилля. Сейчас же его правнук Тахмасиб правил землями от берегов Евфрата в Ираке до Герата, что на границе с Афганистаном. На севере его власть доходила до Дербента, на юге до портов Персидского залива.

Историю возвышения Сефевидов за последние полвека сложно было объяснить иначе чем благоволением Аллаха. Но люди практичные поговаривали что секрет завоеваний этой династии нужно искать в их первом лидере, главе суфийско-дервишского ордена Сефивийе – Сефи ад-Дине⁹. Слава этого ученого распространилась далеко за пределы Ардебилля. До сих пор при дворе пересказывали историю о том как Амир Тимур, или Тамерлан, возвращаясь из похода в Османскую Империю, решил на пути назад встретится с Сефи ад-Дином. Великий завоеватель был настолько поражен глубиной знаний и мудростью шейха что по его просьбе освободил османских пленников и поселил их в окрестностях Ардебилля. Освобожденные пленники объявили Сефи ад-Дина своим духовным лидером. Через столетие потомки этих людей примут шиизм и станут главной силой внутри Османской империи в борьбе против султанов.

Мистические прозрения Сефи ад-Дина и его секретные замыслы, про которые многие говорили, но никто точно не знал в чем же они состоят, были самым охраняемым секретом империи. Даже мне почти ничего не было известно про богословское и политическое наследие великого шейха. Говорили, что самые важные мысли и наставления Сефи ад-Дина передавали только устно и только взошедшему на престол новому Повелителю. Кто и как это делал – тоже было тайной за семью печатями.

Империю Сефевидов населяли десятки народностей, но стержнем государства, его опорой были воинственные племена кызылбашей: афшары, каджары, румлу, варсак, шамлу, устаджлу.¹⁰ Их знать составляла гражданскую, военную и духовную элиту империи. Издавна жившие в пределах власти Шахиншаха персы и арабы, так же как тюркские племена Центральной Азии и горные народы Кавказа тоже боролись за влияние на Повелителя. В этой борьбе особенный успех сопутствовал персам и арабам, на стороне которых была богатая военная, науч-

---

⁵ Высочайший меджлис состоял из двенадцати ближайших соратников шахиншаха, представляющих административную, военную и религиозную элиту страны.

⁶ Исмаил I (1487–1524) – первый шахиншах Ирана династии Сефевидов.

⁷ Буквально – «золотоглавые», названные так по головному убору из двенадцати золотых повязок.

⁸ Глава ордена Сефивийе в 1447-60-х гг, дед шахиншаха Исмаила.

⁹ Основатель ордена Сефивийе в XIV веке, первый глава дома Сефевидов.

¹⁰ Тюрко-огузские племена, выходцы из степей Центральной Азии. С XI века огузы продвигаются на запад, занимая территории в Средней Азии, Иране и Азербайджане. Огузы приняли участие в этногенезе туркмен, анатолийских турок, хорезмийских узбеков, гагаузов и проч. Упомянутые здесь племена – непосредственные предки нынешних азербайджанцев.

ная и религиозная культура, великая литература и искусство, которые в умных руках смогли бы хорошо послужить интересам династии Сефевидов.

Курчиев, стрелков-гвардейцев Шахиншаха на быстрых конях, знали и боялись по всей Империи. Их командиром был курчибаши, а главнокомандующий кызылбашским ополчением звался эмир ал-умара, на эту должность Шахиншах избирал вождей самых влиятельных племен. Менее заметен был халиф ал-хулафа, что управлял разветвленной сетью агентов ордена Сефевийе. Агенты-хулафы собирали важную информацию по стране и всему исламскому миру, к ним стекалась переписка внутри Империи, доклады о недовольстве на местах, сообщения о переездах и встречах местных чиновников и вельмож, о визитах христианских миссионеров, которые были очень активны в наших провинциях. Данные о налогах и сборах, о ценах на важные ресурсы – особенно шелка сырца и хлопка сырца, собирали мустоуфии, чиновники шахского казначейства. Все это оказывало прямое влияние на доходы казны, которыми ведал мустоуфий ал-мамалик – главный казначей всех имперских областей. Доклады о количестве пресной воды, об урожае с полей правящей династии¹¹, казенных полей или земель вакфов – все это собиралось с точностью времени намаза¹².

Но мы, «бехишти афсар», не входили в эту очевидную для всех пирамиду гражданских, военных и духовных лиц. Мы не несли охрану во дворце, не сопровождали Повелителя в поездках и не атаковали неприятеля в конном строю. У нас, как я уже говорил, были другие задачи.

Последние несколько дней я находился в ожидании отъезда. Меня отправляли на юг Империи, в город Бам, что располагался близ границ слабеющей империи Тимуридов. Цели и задачи поездки я должен был узнать у главного визиря. Как всегда, они были разнообразны – настолько что обычному человеку было трудновато охватить своим скудным разумением их все. Но таков уж был легендарный главный визирь Джахан Казвини – требовал многого с других, но более всего – с себя. Этот человек был воплощением всего что ценится на Востоке – верности и ума, хитрости и целеустремленности, набожности и природной скромности. Когда всемогущие леле – наперсники и воспитатели тогда еще юного Шаха Тахмасиба бесчинствовали и интриговали, Казвини сидел тихо и выжидал. По мере того как Тахмасиб вырослел, он проявлял все меньше терпения к бесчинствам регентов, а позиции умного и почтительного Казвини, наоборот, укреплялись. К 935 году Хиджры из трех приставленных к молодому Повелителю леле не выжил ни один. Самого кровожадного из них – Див-султана, молодой Шахиншах убил стрелой прямо во время заседания высочайшего меджлиса.

– Что бы ты ни думал, ты не прав, – так оригинально напутствовал меня главный визирь перед дальним путешествием.

Его грозный взгляд заставлял трепетать многих, но только не меня. Я привык к этому взгляду и меня куда больше интересовало что еще скажет Казвини после того как в очередной раз сообщит подчиненному о его неопытности. Визирь встал с ковра и пригласил меня подойти к карте.

– Вот наш Бам. Что ты тут видишь?

– Хорошую дорогу, великий Кази¹³. Это прекрасный источник дохода для казны.

– Она была хороша со времен Дария, и что? Что это дает Дому Сефевидов, нашим кормильцам, сейчас?

– Это дает бумагу Самарканда, кинжалы Мерва, золото Памира, красавиц Карачи, шелк Поднебесной, пряности....

---

¹¹ В Империи земли дома Сефевидов называли арази-и хассе, казенные земли арази-и дивани, земли мусульманских религиозных учреждений арази-и моукуфа или вакфы.

¹² Сунниты совершают намаз пять раз в день, мусульмане-шииты намаз зохр и аср – обеденный и послеобеденный, а также намаз магриб и иша – предвечерний и вечерний, зачастую совершают совместно, то есть получается те же пять намазов, но трижды в день.

¹³ Кази Джахан Казвини, один из главных сподвижников первых шахиншахов из дома Сефевидов.

– Ты не понимаешь сути моего вопроса. Все еще слишком молод и думаешь ногами, а не головой.

Таково было другое известное изречение главного визиря, которым он не оскорблял, а скорее намекал на мою незрелость. Для нашего великого кормчего существовали две категории людей – работающие ногами и головой.

Все свой путь начинали, работая ногами: носили за сардарами дорогие халаты, бегали по городу с записками и посылками, встречали и сопровождали гостей, следили за врагами на базарах, в харамхана¹⁴ и караван-сараях. По прошествии нескольких лет те, кто мог работать головой, поднимались выше. Здесь не было экзаменов и конкретных сроков; у каждого – своя история успеха.

– Война на востоке с тимуридами никогда не закончится. Хорасан вместе с Гератом будут переходить от нас к ним и наоборот. И каждый раз это ставит под удар наши традиционные торговые пути в Индию. Нужно найти другой важный форпост и перевалочный пункт для наших караванов. Но это должен быть не маленький тусклый городишко, а огромный цветущий город, слава которого была бы сродни славе Бухары, Самарканда и древнего Мерва.

Визирь на секунду задумался. Его взгляд словно замер и устремился в глубину комнаты. Он над чем-то размышлял.

– Каких-то полсотни лет назад, – продолжал он, – сунниты правили всей мусульманской уммой с берегов Дуная до стен Китая. Это были многочисленные арабские племена и не менее многочисленные тюркские племена – сельджуки, кыпчаки, узбеки, огузы... Но сейчас, благословение Иمامу Али,¹⁵ мы вклинились в сердце этого царства, разделив его прямо посередине.

– Да, мы предложили глоток свежего воздуха, новый порядок в доме который трещал под грузом старых догм. Полвека назад никто не ожидал что учение Сефевийе так ляжет людям на сердце. Дошло до того, что османы и тимуриды на наших границах заставляют людей клясться Кораном в том что они не идут присоединяться к нам и менять веру.

Это было чистой правдой. Шиизм стал знаменем объединяющим народы, люди со всех концов исламского мира прибывали в наши города и хотели стать частью новой державы. Люди хотели новой веры, новых возможностей и вдохновения которые могли им дать только мы. Багдад, Мосул, Алеппо, Идлиб, даже далекий Хабеш¹⁶ – все это теперь наше! Лучшие мастера по коврам, шелкам, миниатюрам, лекари, астрономы и алхимики – все они шииты, последователи имама Али и подданные дома Сефевидов.

– Нужно повторить этот успех на юге империи, верно ли я понял, великий сардар?..

– Ты понял меня правильно. Люди должны поверить в божественную силу нашей веры. Но на сей раз это будет не просто! Древние города Месопотамии, принявшие шиизм, всегда были величественны, а их жители – умны и изящны. Не то в диких просторах юга. Тебе придется измыслить что-то простое и эффективное чтобы заставить жителей области добровольно припасть к нашим ногам.

Я знал на что намекал, не говоря прямо, великий Казвини. Весть о шиизме нуждалась в деньгах для того чтобы завоевать и удержать последователей. Без процветающей торговли вся затея была бесперспективна. Потому Сефевиды в самом начале священной войны направили свои взоры на богатейшие города Востока. Именно туда свозились товары всего мира по Великому Шелковому пути, там создавались состояния. Но даже в узком кругу прибли-

---

¹⁴ Гарем.

¹⁵ Имам Али – Абу-ль-Хасан ‘Али ибн Абу Талиб аль-Кураши (7.03.599 – 24.01.661), двоюродный брат, зять и сподвижник Пророка Мухаммеда, первый из двенадцати почитаемых шиитами имамов. Шахиншах Исмаил I после восшествия на престол принял титул “сеги-дери Али» – страж, или, буквально, «собака дверей Али». На серебряной монете шаха Исмаила I было отчеканено: Призови Али, проявителя чудес, /Ты найдёшь его себе опорой в печали./Вся забота и горе исчезнут/С твоим покровительством, о Али, о Али, о Али!

¹⁶ Абиссиния, ныне – Эфиопия.

женных к Шахиншаху не все понимали значимость Великого Шелкового пути. Одни видели в нем источник дохода путем торговли или прямого грабежа, другие – источник наслаждения, ведь по пути шелка двигались также караваны с рабами и всевозможными зельями, но великая суть Шелкового пути была в другом. Деньги, шелк, рабы, наркотики – все это было кровью, лимфой, желчью большой торговой дороги, но звеньями этой цепи, ее скелетом были древние города Востока. Именно там из природных богатств создавались предметы, которые будут служить человеку веками. Красивая посуда, надежное оружие, изысканные украшения, чудесные ковры – все что нужно для хорошей жизни, что ценилось, приносило владельцу радость и подчеркивало его статус – все это создавали города, умножая богатство державы. Ведь если шелк сырец торговец брал за десять туманов, то уже готовую одежду мастера продавали за двести: основной заработок оставался в городе, который богател на глазах. Так разрастались и хорошели города Шелкового пути: одевались высокими стенами, украшались великолепными дворцами, хвастались друг перед другом искусными мастерами, знаменитыми поэтами и философами. Так они становились центрами притяжения и людей, и денег, и власти.

И если Герат или Мешхед в Хорасане были богаты и знамениты задолго до нас, то новое время и амбиции нашего Повелителя требовали создания нового безопасного форпоста, где жители могли бы богатеть под нашей защитой, а мы – собирать с них хорошую мзду и распространять влияние шиизма на сопредельные территории.

Прочел ли главный визирь понимание всего этого на моем лице, или попросту у него закончилось отведенное на меня время, но после недолгой паузы он произнес:

– Бам должен стать южными воротами шиизма и центром торговли с Индией. А ты должен положить начало его величию. Теперь – иди.

Великий Казвини умел настроить на свершения, ничего не скажешь. Конечно, мне льстило что именно меня выбрали для подобной миссии. Кажется, это было задание того рода, где нужно работать головой, а не ногами. Говорило ли это о том что Казвини начал меня выделять?...

Выйдя во двор во власти честолюбивых мечтаний, я был тут же пойман в сети дурманящего аромата гашиша. Это Бабуджан, хитроумный и льстивый до неприличия помощник главного визиря, уже зазывал меня к себе. Все свои проделки мы обычно осуществляли вдвоем – ходили к танцовщицам, в лучшие галйаналты¹⁷, хамамы, выезжали в богатые на дичь прикаспийские луга.

Бабуджан пронес легкий сверток перед моим носом.

– Ничего не говори, просто попробуй, – ухмыльнулся он.

– Что-то новенькое, Бабу?

– Сам только что... Если и тебе понравится, возьмем для наших вечерних утех.

Я не любил курить дурман в чистом виде, и Бабу частенько что-то придумывал. Он смешивал гашиш с различными добавками, которые делали его, во-первых, более легким, а во-вторых, у снадобья появлялся особый, пикантный вкус. Недавно при дворе завелся европейский обычай курить табак, его запасы имелись и у Бабу.

Первая затяжка была легкой. Я всегда так делал – хотел понять состав смеси. Сперва уловил тяжелый привкус табака и будто бы нотку лимона. Потом последовала более глубокая затяжка, и приятный дурман начал спускаться вниз. Как я любил эту ощущение! Ты не теряешь ясности ума, но при этом возникает чувство приятной расслабленности, которое невозможно достичь никакими другими способами. Затем появляется приятная легкость в мыслях. Я чувствовал род оживления, а внутри головы будто бегали, дразня, маленькие букашки. Тайные мысли и неожиданные прихоти выплывали яркими образами, будто их увлекали воды горной

---

¹⁷ Места ночного отдыха, где можно курить легкие наркотики и развлекаться.

реки Панджер. Именно таким приятным способом я обычно находил ответы на самые сложные вопросы.

Глава 3

Там, где лик ты явишь, там и лунный свет не нужен. Тем, кого ты ошастливишь, сладостный шербет не нужен.

Самое сложное в пути – убивать время. Пока верблюд переваливает тебя с одного бока на другой, ты не можешь делать ничего другого – ни читать, ни писать, ни даже жевать... А теперь представьте себе бескрайнюю пустыню с ее невыносимой жарой, всяческой отвратительной живностью вроде грызунов и змей, растительностью в виде бегающих колючек и частыми песчаными бурями. Иногда бури появляются исподволь, тогда начинается страшное. Рабы и животные становятся неуправляемы. Одни пытаются убежать, другие – припрятать что-нибудь из каравана для своих нужд. Уследить за всеми невозможно. Каждый беспокоится только о себе. Я больше всего боялся маленьких песчаных пылинок, которые попадают под одежду, в уши, в нос, и – самое страшное – в глаза. Не успеешь закрыть лицо – и пылинки забиваются под веки, затем они дергаются всю дорогу, будто у тебя нервный тик. Тогда нужно как можно быстрее добираться до лекаря. Уложив тебя на спину, он тонким инструментом очищал глаза под веками, а затем омывал специальным раствором. Но, Аллах всемогущий, если ты не мог найти лекаря по дороге! Тогда через несколько дней пути глаза опухали, и вскоре путник начинал слепнуть.

Да, а ведь есть еще и разбойники из тех отчаянных, кого не контролируем даже мы! Разбойники, что понятно из их названия, промышляют набегами. И от их набегов могут быть неприятности – даже и от тех, кого мы знали... Ведь иной раз попадался тугодум, которому и не сразу объяснишь, что не с тем, ох не с тем он связался! Тогда, бывало, приходилось спасаться бегством. Но в этот раз, хвала Аллаху, таких случаев пока не было. Разве что в одной пыльной деревушке мы подверглись набегу настырных мух. Они сильно покусывали открытые части тела, из-за чего мне пришлось на некоторое время полностью укрыться. Но зловредные насекомые довольно быстро поняли с кем имеют дело, и уже пару часов спустя их не стало.

Впрочем, в пустыне были и свои развлечения. Если попадался даровитый чавуш¹⁸, он непременно всю дорогу напевал песни, смешил меня и всех остальных путешественников. Хороший индийский проводник, а большинство из них были индусами, сидя на ковре и соскребая грязь со своих ног, рассказывал про алмазы махараджей или про мудрецов и мобедов¹⁹. А опытный торговец не только готовил крепкий кофе, добавляя к нему верблюжьего молока, но и открывал кое-какие секреты о жизни в далеких странах.

Раньше я передвигался исключительно на своем кровном теке²⁰ в сопровождении нескольких верных наукаров, однако путешествие от этого легче не становилось. Испробовав многие способы, я понял, что самый лучший – присоединиться к каравану под видом обычного торговца. Таким образом можно найти интересных спутников или, если не повезет – просто уйти в свои размышления, чтоб никто не досаждал вниманием к твоей внешне рядовой особе. Просто ехать и думать обо всем, что взбрет в голову, – как раскрыть очередной заговор своих могущественных врагов, завербовать союзников, какой дурман стоит попробовать и какую красавицу выкрасть для утех. Главное – потом не забыть ни одной из этих ценнейших мыслей. Поэтому мой небольшой путевой дневник был весь исписан тайными знаками.

Мы двигались уже больше недели, и если до Йезда еще можно было повстречать что-то радующее глаз, то дальше начался настоящий ад. На восемь дней пути – всего два приличных

---

¹⁸ Молодой человек, идущий впереди каравана и исполняющий религиозные песни.

¹⁹ Мобед – ранее зороастрийский священник, здесь употреблено в значении волшебник, звездочет.

²⁰ Конь ахалтекинской породы.

караван-сарая – Рафсанджан и Махан... Но вот уже и мрачный Бам. Он мне не понравился с первого взгляда. Здесь все казалось противным.

Мой любимый Тегеран, где ты сейчас? Новая резиденция Шахиншаха с ее широкими улицами, вдоль которых ровным строем стояли красивые и высокие кипарисы – символы свободы и гордости... Там уже в конце апреля можно попробовать ранний тут и вишню. А мой родной квартал Дербент²¹, полный красавиц, курящих ананасовый или яблочный кальян в закрытых домах удовольствий! Где все это сейчас? Я уж не говорю про мой удобный дом, любимую наложницу и преданного пса по кличке Алабай, которого я держал вдали от любопытных глаз.

Я едва подавил крик отчаяния при виде мрачных окрестностей Бама, где мне предстояло провести немало времени. Пыль, бедность. Из деревьев – лишь финиковые пальмы. Прохожие одеты не просто жалко, а прямо убого. Так убого, что на них больно смотреть. Грязные дети прыгают в пыли, резвятся в грязных лужах, словно воробьи.

Среди бедных лачуг будто бегемоты, засевшие в луже, выделялось несколько красивых двух- и трехэтажных домов. Они немного порадовали мой взгляд, напомнив Тегеран. В одном из таких домов и жил хаким, или управитель, города Бама. Довольно странным показалось что он не вышел встретить меня прямо к воротам города, проявив явное неуважение. Я проехал узкими улицами в сторону базара, повстречав по пути мастерские, цеха, торговые лавки, склады и чайханы. Лишь увидев своими глазами как обстоят дела, можно понять, насколько безнадежна эта дыра и обстановка, с которой мне придется иметь дело.

Заглянув в небольшую закусочную, я спросил, не найдется ли чего поесть. Одному Аллаху известно, что это было за угощение – кусок мяса красноватого цвета и черная-черная лепешка. Я уже всю жалел о том что покинул родной город. На секунду промелькнула мысль – что если вся эта затея с миссией в Баме ничто иное, как западня, а то и ссылка? Может, великий визирь таким способом решил избавиться от меня? Это старый трюк – поставить перед верным слугой невыполнимую задачу, а потом свалить на него все неудачи и провалы. Я был так зол и обеспокоен, что даже не прикоснулся к еде – тем более что и выглядела она не особенно аппетитно.

Выйдя из чайханы, я подошел к коню, чтобы отвязать его. Тут ко мне подбежал мальчик в странном головном уборе, на котором висел колокольчик. Он произнес с угодливой улыбкой:

– Мой хозяин просит подождать его, сардар.

– А кто твой хозяин? – поинтересовался я.

– Не могу сказать, просто подожди его.

Я сдержанно улыбнулся мальчишке в ответ, обратив внимание на его необычный взгляд – слишком дерзкий и глубокий для мелкого слуги. На душе скребли кошки. В голове вертелись мысли, я изо всех сил пытался воскресить в памяти все детали прибытия в город – кого и где видел, с кем говорил, кого встретил по дороге на базар... Почему меня никто не встретил? Что это за мальчик? Где могла быть ловушка? Голова работала все быстрее, а рука крепко сжимала клинок под плащом.

Но вот в конце улицы показался всадник, толстый мужчина лет пятидесяти, богато, даже пышно одетый. Рядом с его конем бежали двое слуг. Подъехав, он тяжело спешился и так горячо меня приветствовал, что я устыдился своих подозрений. Агаи Ваис, так он представился, сразу пригласил меня к себе в дом. Это был тот самый дом что я заметил, один из немногих приличных в городе, где ко всему прочему еще имелся и маленький бассейн.

Меня провели в просторную, светлую комнату, увешанную и застеленную дорогими коврами. Трапеза по обычаю была устроена на полу, прислуга подносила легкие закуски. Я насчитал более десяти. Среди них была и баклажановая мосамма – закуска царей, как мы ее назы-

---

²¹ Один из лучших районов Тегерана.

вали, хорешти²² с айвой, ревенем и сельдереем, холодный айран с крошечными листочками мяты, множество зелени и свежих овощей. Рядом с ними лежал вкуснейший овечий сыр с высокогорных лугов близ Тебриза.

Пока я с огромным наслаждением поглощал блюда, мы говорили о торговле и неизвестных народах по ту сторону Амударьи.

Агаи Ваис называл все народы по другую сторону реки не иначе как дикарями.

– Они не знают Аллаха и никаких ценностей у них нет, – говорил он. – Все что эти люди могут – выращивать рис и поклоняться деревянным куклам.

Слушать его было интересно, но меня отвлекали и одновременно манили запахи, доносящиеся из сада. Там в глубокой яме обжаривали баранину. По аромату я угадал, что было мое любимое блюдо, называемое льявнги: распоротый желудок молодого барашка наполняют измельченными грецкими орехами, репчатый луком, густым соусом из дикой алычи, кишмишем, сухофруктами и, разумеется, шафраном. Все это зашивают и жарят в тандыре²³. Превосходная начинка смешивается с натуральным мясным соком барашка, что придает блюду тот неповторимый вкус, который гурман хочет получить, подсадивая еду.

Итак, наконец я сидел на добротном толстом ковре с удобно разложенными подушками и курупча – стеганными матрасами, а на красивую скатерть-дастархан передо мной вышколаенные невольники хакима подавали блюдо, вид и аромат которого не поддавались никакому описанию. Но я все же попробую... Итак, сначала в большую общую тарелку положили ребрышки барашка. Мясо было таким нежным, что лишь прикоснись – само соскальзывало с костей и тотчас прилипало к пальцам. Рядом выложили маринованную и взбитую кислую сливу. Она была консистенции густого йогурта, красивого темного цвета, этим соусом нужно была смазывать каждый кусок мяса, отправляющийся в желудок. Взбитая слива добавляла нежному мясу пикантный привкус, которого было не много и не мало, а точно в меру. Наряду с кислоткой приправа еще и слегка охладила рот. О, это без сомнения была еда шахиншахов и их приближенных, этот вкус нельзя было спутать с чем-то еще... Раз попробовав, ты желал его снова и снова, но он был доступен только здесь и сейчас.

Все это великолепиие мы красиво запивали молодым вином из Шираза, и чем быстрее убывал барашек, тем веселее и расслабленнее мы становились. Съев еще два ароматных куска, я почувствовал приятное успокоение. Мое тело было захвачено ощущениями покоя и удовольствия, а в желудке царил абсолютное умиротворение. Я давно заметил что если еда вкусная и хорошо приготовлена, то сколько ни ешь, не почувствуешь никакого отягощения. Именно это, хвала Аллаху, я сейчас и испытывал.

Завершив трапезу, мы решили выйти во двор подышать свежим воздухом. На улице заметно похолодало. Нам предложили накрыться одеялами. Ночи здесь были холодными, а дни достаточно жаркими, подметил я на будущее и для пользы дела. А еще почувствовал что у меня приятно кружится голова.

– Сардар, теперь, когда вы немного перекусили с дороги... Я готов поклясться, что вам еще никогда не приходилось пробовать такой опиум, какой есть у нас. Несомненно, это самый лучший дурман во всей Империи, – сказал мне Агаи Ваис.

– Не люблю опиум, он слишком тяжел для меня, – лениво ответил я.

– Поверьте, это нечто совсем иное нежели то, с чем вы имели дело раньше... – заявил хозяин дома, описывая пальцами круги вокруг головы.

Кажется, до меня не совсем ясно дошло, что он хотел сказать. Но когда мы вернулись обратно, я увидел заново застеленный дастархан, на котором нас ждали пряности и фрукты. Комната была освещена более скудно, чем прежде. Как только мы присели, послышались точ-

---

²² Горячие закуски (фарси)

²³ Глиняная жаровня для выпечки хлеба и приготовления пищи.

ные постукивания думбека²⁴, звук шел из темного угла. Вошел прислужник с подносом, на котором было пять тяжелых трубок. Все было готово к употреблению.

Частота ударов думбека увеличивалась; что-то назревало. Вот из темноты появился юноша – тот самый, с колокольчиком, что встречал меня около базара. В темноте я только и заметил что он был почти полностью обнажен, разве что талию обвивала легкая шаль, на концах которой позвякивали монетки. Тело юноши блестело в темноте, вымазанное маслом. По запаху я узнал масло макадамии – этот ореховидный плод встречался в Странах Темных морей и служил средством возбуждения.

Итак, юный слуга был мальчиком для утех. Как же я не догадался сразу, когда увидел его в первый раз? В ранние годы службы я, бывало, доставлял подобных юношей для важных гостей Шахиншаха. Но они всегда были полностью, с головы до ног, закрыты. Видеть их лиц и тела я не мог. В моем воображении это всегда были грустные дети которые никогда не смеялись, ведь их по обычаю кастрировали совсем юными и до лет ранней молодости подвергали всяческим истязаниям. Войдя в лета, такой юноша становился частью семьи и хозяин ставил его надзирать за гаремом; но только в том случае если он себя хорошо показывал: был любезен, покорен, в меру игрив. И дальше до конца жизни он проводил время в спертом воздухе хозяйского гарема.

Но нет, наш танцор был явно из другого теста. Чувствовалось, что он не просто смирился со своей судьбой, но по-своему наслаждается вниманием зрелых мужчин и своей над ними властью. Он вышел к середине комнаты, поклонился. Его глаза сияли, в них горел яростный азарт и странная радость. Даже в темноте ночи я заметил как он смотрел на меня, игриво поводил глазами, и улыбка не сходила с его лица.

Прислонившись к стене, я начал медленно затягиваться трубкой. Нужно было все делать медленно, мелкими затяжками: ведь я давно не курил и очень большие порции могли вызвать тошноту. Дурман быстро делал свое дело. Я почувствовал струйку холодного воздуха, которая медленно потекла через рот в желудок, вызывая в горле легкое пощипывание. Последующие затяжки начали меня потихоньку заводить, чувствовалось как голова отрывается от тела, мысли начали блуждать, пришло безмерное, едва ли не бесконечное чувство расслабленности. Вскоре я совсем поплыл, тело будто бы было внизу, а я смотрел на него сверху. Ниоткуда появились огромные персидские кошки светло-серого цвета. Мурлыкая, они проводили своими пышными хвостами по открытым частям моего тела, каждое их прикосновение вызывало небольшую щекотку.

Удары думбека, учатившись, вернули меня обратно. Сцена снова требовала нашего внимания. Я сделал еще несколько затяжек. В это время мои спутники скрестили ноги и усталились на танцора. Мальчик повернулся к нам спиной и, направив руки вверх, начал извиваться, словно ствол камфорового дерева²⁵. Правда, чем дальше тем больше его танец напоминал не колебания ствола, но извивы древесного питона, который движется, будто бы лаская, лишь для того чтобы задушить резким движением в конце.

Тут мальчик повернулся и резко уставился на меня; я снова поразился глубине и силе его взгляда – в темноте его глаза казались двумя яркими кругами, которые преследовали меня. Я пытался смотреть в сторону, но его очи все равно появлялись предо мной. Они ползли по ковру, мелькали в узорах посуды и в переплетах оконных решеток. Они то напоминали рисунок на хвосте павлина, то становились глазами тех больших кошек, которые появились словно ниоткуда. Кошки шли на меня, громко урча, и двигали пушистыми хвостами прямо перед моим носом, отчего хотелось то ли смяться, то ли чихать. Когда сознание на мгновение прояснилось, я понял что юный танцор будто вынырнул передо мной и, действительно, водит маленьким

---

²⁴ Ударный инструмент.

²⁵ Эфирное масло камфорного лавра издавна использовалось как возбуждающее средство.

нежным пером прямо под моим носом. Затем он отошел чуть дальше и стал, танцуя, гладить себя от живота до сосков. В комнате послышались тихие стоны. Теперь мне стало понятно, почему все гости с самого начала сели, скрестив ноги. Я тоже почувствовал возбуждение и скорее переменял позу.

Еще с тех малых лет, когда мы строчили суры Корана, не понимая его смысла, нас учили бояться. Все что вызывало у нас беспокойство или волнение – все это было происками шейтанов. Из-за того, что никто не видел шейтана воочию, он мог явиться к нам в любой форме – человека, верблюда, красивого цветка или Агаи Ваиса. Чем больше дурман кружил мне голову, чем ярче разгоралось желание, тем сильнее было подспудное беспокойство. Ведь шейтан был очень коварен, он мог запросто проникнуть в душу и овладеть тобою через мысль или страсть.

Дурман все больше забирал меня, и я уже смотрел на мальчика совсем по-другому чем вначале: со страстью и тяжестью предвещаемого греха. Кажется, он тоже это чувствовал. Вскоре он оказался рядом со мной, сел рядом и положил голову на мои скрещенные ноги. Руками он трогал мои колени. И непрерывно что-то говорил – казалось, говорил на арабском. Этот проклятый арабский. Откуда он здесь? Будто устами мальчика заговорил наш проклятый мулла из медресе. Мулла, который ходил с длинной палочкой и говорил что мы должны любить арабов по трем причинам: потому что Коран был послан нам на этом языке, пророк Мухаммед сам был арабом, и даже в раю мы будем говорить на арабском. Душа противилась чужому, но мы боялись выступить открыто. То же самое было и сейчас: душа противилась искушению мальчиком, но могучая сила вела его в мои объятия.

И вот комната пуста. Погас звук думбека, пропали гости. Только полностью раздетый мальчик ласкает мои ноги, медленно поднимаясь, в ожидании когда я совсем потеряю голову. Вот танцор схватил меня за голову, смотрит дерзкими глазами в упор, хочет целовать. Я почувствовал его свежее, даже холодное дыхание. Будто не из этого мира. Все в нем было не из нашего мира – глаза, тело, движения, руки, запах... В этот миг пришло прозрение – человек не мог иметь такое холодное дыхание, такое гибкое тело, такие горящие глубокие глаза!

Это шейтан и он пришел загубить мою душу, – так сказал я себе. И тут что-то во мне переломилось. Я отшвырнул мальчика, он ударился о стену и жутко застонал. Его крик боли был не похож на женский или на мужской, такого тона я не встречал ни у людей, ни даже в животном мире.

– Позови Ваиса! – в ярости крикнул я.

Аллах всемогущий! Как можно было такое допустить: один в комнате, опьяненный непонятным дурманом, да еще без кинжала. Хорошо, что мой яд сулеймания²⁶ зашит в рукаве. Он один должен был спасти меня в случае провала. А что если это ловушка и Агаи Ваис вообще не тот, за кого себя выдает? Первый день в городе – и уже неудача. Да еще этот мальчишка в моей постели! Я не относился к презренным аль-фаильям²⁷, и в роду у нас таких не было.

– Ты, наверно, считаешь меня аль-фаильем, не так ли, Ваис? – закричал я на хозяина дома, который продирает удивленные глаза.

Ваис смиренно опустил голову, не смея взглянуть на меня. Его помощники хотели зайти в комнату, но я их прогнал.

– Что за дурь ты подсунул мне? Где мои вещи? Где мой кинжал, где мой конь и моя одежда, презренный гяур?

– Сардар, у меня были только благие намерения. Это девственный опиум. Ты знаешь, он ведь только для самых дорогих гостей.

---

²⁶ Считался самым дорогим и безболезненным ядом на Востоке.

²⁷ Так называли любителей мальчиков на Древнем Востоке.

– Я буду твоим дорогим гостем, когда разрушу твой дом, все отниму у тебя, а твоих жен продам на рынке для черни! Каждый мелкий торгаш сможет вдоволь поразвлечься с твоими женами, Ваис.

Я ходил по комнате быстрыми шагами и кричал, вне себя от ярости. Я был страшен.

– Аллах проклянет меня, если я изменю Шахиншаху и его верным сардарам. Поверь, я просто хотел предоставить тебе все самое лучшее. Твои вещи прямо у дверей, вот же они, ты сам их сбросил, господин... Они в порядке, а конь вычищен, накормлен и отдыхает в конюшне.

Меня качало. Действие опиума еще не закончилось. Я еще раз посмотрел на Ваиса взглядом тяжелым, как у степного верблюда. Он продолжал стоять с опущенной головой. Я сказал ему выйти. Он слегка поклонился, затем за дверью послышался тихий шорох удаляющихся шагов и вскоре все стихло. Я присел у стены и только теперь начал понимать, что за дурман мне подсунули. Этот девственный опиум подавали избранным членам шахской семьи и самому близкому окружению Шахиншаха. Видимо, Ваис хотел произвести на меня неизгладимое впечатление, а я, глупец, едва не потерял контроль над своими чувствами. Провал был близок, но Аллах сжалился надо мной. Если бы это были другие люди, цель которых – заманить меня в ловушку, то я по своей беспечности подвергся бы длительным пыткам в надежде узнать, с какой миссией приехал в этот заброшенный уголок Империи тайный слуга Шахиншаха, а затем этого бедного слугу отыскивали бы где-то с переломанными руками, выколотыми глазами и перерезанным горлом. Или не отыскивали бы вовсе.

Заперев дверь, я плотно закутался. Тело трясло мелкой дрожью, дыхание была прерывистым. Дело было вовсе не в том что я потерял самообладание или испугался, совсем нет, – просто, как я уже говорил, ночи в Баме холодные. Но постепенно я начал успокаиваться, дыхание стало ровным...

Перед тем как мне уснуть, девственный опиум заявил о себе еще раз. На пороге дремы я почувствовал, как страстно желаю Мунизу, мою наложницу из кыпчакских степей. Ее упругое и соленое тело предстало предо мною в мечтах, я вспомнил как она угадывала мои тайные желания, какие завлекательные позы умела принимать, о Муниза, как я люблю твою грушевидную, упругую грудь...!

Глава 4

*Разукрасил свой стяг небосвод бирюзовый, но тут С ним решил
состязаться прекрасный земли изумруд.*

Девственный опиум – вещь умопомрачительная. Попробуйте себе вообразить нечто для вас желанное – красивейшую одежду, великолепный индийский юшман²⁸, звонкую саблю из Герата с самоцветами на рукояти, тонкую миниатюру, нарисованную на самаркандской бумаге. Так вот, поверьте – все это полная ерунда по сравнению с девственным опиумом.

Обычно в курительный опиум добавляют измельченные до состояния порошка сухофрукты, травы и листья, чтобы при употреблении ощущался их привкус. Это может быть цедра апельсина, сушеный персик или что-то другое. Но несколько столетий назад эмир города Мерва взялся изобрести для себя самый сумасшедший опиум. Такой же сумасшедший, как и он сам.

Эмир приказал привезти ему девственниц из разных концов света, – белых, черных, смуглых; азиаток, африканок и индианок, – заплатив за всех хорошую цену. Далее он распорядился отвести девушек на свои огромные маковые поля в то время, когда коробочки уже начинали созревать. Сделав на недозрелом плоде легкий надрез, собиратели опиума давали нектару мака выйти наружу, а затем заставляли раздетых догола девушек бегать по полям под палящими лучами солнца. Надзиратель следил за тем, чтобы бегали они долго и без усталости, да так, чтобы пот с них лился рекой. Если какая-либо из девушек падала от изнеможения, ее тут же поднимали и опять гнали по маковому полю. Бывало, что даже тащили за волосы, били и злили. И все ради того, чтобы пот не остывал.

Маковый сок, который прилипал к телу девственниц, смешивался с их потом. Потом это грязное месиво соскребали с уставших до полусмерти девушек и сушили. Так получали девственный опиум. При первом же глотке дурмана человек испытывал всплеск возбуждения и был готов предаться горячей и пылкой любви с кем угодно прямо здесь и сейчас.

Я подумал, что место девственному опиуму именно в Тегеране. Где-нибудь в его тайных забегаловках что тонут в клубах дыма от многочисленных курильниц, в час расслабленных посиделок знати и духовенства, артистов и художников в компании смуглых, кудрявых, игристых танцовщиц с их тонкими талиями и пышными бедрами – вот там он пришелся бы ко двору. Ох, будь я сейчас там, как бы я развлекся с красавицами-рабынями!

Но я находился здесь, в Баме, и прямо в эту минуту стоял на одной из тридцати восьми дозорных башен городской крепости, построенной из смеси глины и пальмовых листьев мастерами-умельцами. Солнце обжигало мне лицо. Голая, безжизненная пустыня простиралась до самого горизонта. Только большие и маленькие дороги, как змеи, окружали крепость со всех сторон.

Вот тебе и южные ворота Империи... – думал я. Непросто будет удивить этим городом весь мир.

Агаи Ваис ходил за мною по пятам все утро, а за ним плелся еще и ученый слуга-таджик, который в ответ на любой мой вопрос сообщал кучу ненужных сведений: кто и когда построил крепость, зачем одна башня выше другой и насколько, как долго можно выстоять в окружении и почему в городе так много живности, особенно кошек. Оказывается, двести лет назад, во время нашествия воинов Чингисхана, только благодаря кошкам горожане смогли сдержать осаду в последние месяцы. Такое времяпровождение смертельно надоело мне уже к полудню второго дня, но и дальше веселья не прибавилось.

---

²⁸ Кольчато-пластинчатый доспех, распространенный в странах Востока и на Руси.

Часы и дни в Баме тянулись медленно. Обильные трапезы в доме Агаи Ваиса были похожи одна на другую, а девственного опиума он мне больше не предлагал. С утра я знакомился с депешами в местной дафтер-хане: великий визирь расспрашивал о моих соображениях в отношении города. Я сочинял ему в ответ письма, исполненные почтения, в которых расплывчато убеждал в наличии у меня уймы прекрасных планов, которые нуждаются лишь в небольшой доработке. Иначе говоря – изображал все намного радужнее, чем было на самом деле.

А между тем мое настроение становилось все мрачнее. Похоже, Аллах испытывал меня. Ведь здесь не было даже чинаров, которыми в Тегеране я мог любоваться часами. Во дворе моей усадьбы рос красивый высокий чинар, и я любил прислушиваться к шелесту его листьев. Когда-то давно его посадил мой отец, человек, которого я, увы, совсем не помнил. Он слишком рано ушел от нас, и лишь немногие друзья хранили добрую память о нем.

Чинар, посаженный отцом, был очень добрым. Когда в ущелье Дербента дул сильный ветер, листья дерева в один голос шумели... нет, скорее шептали, – все те умные, ласковые слова, которые не успел сказать мне отец. Казалось, что именно так он говорил бы со мной, если бы мог.

– Сардар, для тебя есть сюрприз. – Вернул меня с небес на землю неожиданно подошедший в чаханнам²⁹ Агаи Ваис. Его толстое лицо лучилось удовольствием. – Хочу предложить тебе особенный ужин. Представь, местные контрабандисты доставили мне черный рис. Только представь! Черный, как помет наших рыб.

– Знаю про такой рис, – я зевнул, – он растет только в горах Тибета, я видывал его в шахском дворце.

– А пробовал?

– Нет, врать не стану. Его подавали только к столу Шахиншаха. Но я пробовал красный рис из долины кафиров³⁰.

– О, ты не представляешь! Сегодня постараюсь тебя удивить – я наказал приготовить хан-плов!

– Да, Агаи Ваис, у тебя действительно иногда получается удивить гостей, – с улыбкой ответил я.

Не каждый кулинар мог приготовить хан-плов, да и блюдо это предназначалось лишь для высоких особ. Чернь ничего не должна была знать о подобных яствах. Редкий черный рис, отменное мясо, молодой каштан и кишмиш заворачивают в специально приготовленное тесто и запекают в печи. Да, на этот раз повар Агаи Ваиса заслужил похвалу: черный рис с легким привкусом ореха получился просто восхитительным. Возможно, после трапезы не помешала бы и трубочка дурмана, но и без того спалось этим вечером чудесно. А наутро пришло важное донесение.

В депеше мне предписывалось срочно собираться в дорогу. Следовало направиться еще дальше на юг, к нашему главному порту в Бендер-Аббасе, а оттуда – к Странам Темных морей³¹. В письме отмечалось, что остальное я узнаю по прибытии на место – конверт, запечатанный шахской канцелярией, пришел вместе с первым распоряжением. Похоже, дело идет к войне, – невольно подумал я, – иначе как объяснить, что меня отрывают от важного задания, которое, еще немного, и было бы выполнено мною с обычным блеском?...

Под утро, проскакав без остановки несколько фарсангов³², я все-таки не утерпел и распечатал второй конверт. В нем было письмо на турецком, написанное на редкость красивым

---

²⁹ Ад на турецком.

³⁰ Неверующий, иноверец (арабск.)

³¹ Так обозначали страны Юго-Восточной Азии.

³² Путевая миля в Персии.

почерком. Из него я узнал что должен немедленно покинуть порт и следовать на корабле венецианских кафиров до их конечного пункта назначения, а по пути раздобыть как можно больше сведений о змеях. Интересовало буквально все: виды, размеры, повадки, а также использование у разных народов – употребляют ли этих тварей в пищу, как собирают, хранят и применяют змеиный яд – то есть все что я только смогу выяснить. Немного поразмыслив, я начал понимать, для чего это было нужно.

Еще до поездки в Бам мне было известно что любимой женой Тахмасиба была дагестанская кумычка Мавзали Султан. Их первенец Мухаммед с трех лет страдал ночными кошмарами. Ребенок очень плохо спал. Лекари постоянно дежурили у его постели и наблюдали за странностями в поведении. Случалось, прямо посреди ночи, не открывая глаз, мальчик вставал с кровати и, заливаясь слезами, быстро полз на четвереньках к стене. Достигнув цели, Мухаммед в панике начинал стучать маленькими кулачками по красиво расписанным камням, и успокаивался далеко не сразу. А спустя час или два все повторялось снова.

Лекари успокаивали Шахиншаха, предписывали мальчику пить настои из трав, принимать различные порошки и снадобья. Муллы ночами читали суры Корана, пытаясь изгнать злых духов, а повара готовили изысканные сладости и любимые блюда Мухаммеда-мирзы. Охотники приносили для потехи красивых животных. Время шло, однако ребенку ничего не помогало. Однажды наблюдательный мушавир³³ заметил что болезненнее всего ребенок реагирует на змей. Когда при нем огромный удав заглатывал белого пушистого зайца или бился с ежом, ребенок хватался руками за няню. Змеи – вот источник его кошмаров, решили лекари.

Именно тогда и решили попробовать вылечить наследника любовью. Давным-давно, когда первые арабские завоеватели появились на просторах Персии, они принесли с собой тайны удивительных методов лечения. Оказывается, от многих болезней можно избавиться, попарившись в дымящихся банях с примешиванием различных пряностей, дурманящих растений и лекарственных трав, которые в несметных количествах растут на высокогорьях. Эти же лекари утверждали, что можно лечить и с помощью любви.

У великого Низами в поэме «Лейла и Меджнун» есть сцена, где Меджнун спокойно живет меж львов и тигров в открытой пустыне. Смысл истории прост – даже дикие звери чувствовали его влюбленность, настолько она была сильна, и не причиняли никакого вреда. Более того – они всячески оберегали его от врагов.

И теперь советники и лекари Шахиншаха решили отыскать что-нибудь связанное со змеями. Все, что может понравиться наследнику. Вдруг это окажется действенным способом излечения?...

---

³³ Придворный, советник.

Глава 5

*Путь в неведомый край ты всегда, человек,
ненавидел,
Потому что глазами его не своими ты видел.*

В порту меня уже поджидал степенный пожилой даруга³⁴, глава местной тайной полиции. – За многолетнюю службу у меня было немало странных поручений, – покачал головой он, – но такое удивительное, пожалуй, впервые.

Седые волосы еще не признак большого ума, – подумал я. Этот даруга явно был одним из тех людей, о которых великий визирь отзывался как о работающих ногами, а не головой. Из тех, кто не понимает, что там, наверху, не существует больших или малых вопросов. Важны все без исключения. Я представил, что бы мог сказать великий Казвини по этому поводу, находишься он рядом со мной. . . О, он бы все разложил как по-писаному. Его словами могли бы быть:

«Многое сейчас на кону. Если Шахиншах в ближайшее время не отыщет лекарства для своего наследника, то Дом Сефевидов попадет под мощное давление. В центре интриг окажется, того не ведая, сам ребенок. Недруги, злорадствуя, обвинят Повелителя в слабости его наследника. Начнутся домыслы – якобы причинами странной болезни являются плохая кровь Мухаммеда, что это кара Аллаха за грехи и проступки отцов и дедов. Медленно, но верно начнет трясти сначала династию кызылбашей, а затем и всю державу. . .»

На Востоке во все времена хорошо понимали, что проблеме нельзя давать зреть. Все, что может считаться потенциально опасным, необходимо уничтожать в зародыше. Потому и существовала ужасная практика убийства детей и жен враждующих династий или даже неудобных представителей династии правящей. Как только одна семья сменяла на троне другую, предавали смерти всех родственников прежней – вплоть до младенцев. Как, например, произошло с Лал Би, любимой женой Умар-шейха, второго сына Тимура. Об уме и красоте этой женщины слагали легенды, но все изменилось, когда ее муж погиб на поле брани. В одно мгновение она превратилась в умную и красивую соперницу первой жены и ее взрослых наследников. И все почему? Лал Би при известном повороте могла стать причиной больших бед для тимуридов. И когда эта благородная красавица попыталась вместе с сыном сбежать из дворца, ее настигли, изнасиловали, а после убили. Не лучшей участи удостоился и ее сын – он был безжалостно заколот.³⁵ Вспоминая эту историю, я каждый раз так расстраивался, что мне хотелось плюнуть на все, убежать в самый дальний уголок земли и не показываться на людях до конца своих дней.

Пока же я продолжал слушать скучную речь главы местного истикбарата³⁶.

– А зачем проделывать путь в сотню дней, когда и в пределах державы водится достаточное количество змей, – недовольно проговорил он. – Вот, например, прибрежные воды Бакинского моря³⁷ просто кишат змеями! Видывал я, как они поднимаются над водой и стремительно плывут к незваному гостю, нагоняя на него страх!

Да, змеи Мазандарана очень опасны. Помню, как однажды мы с Мунизой уединились на берегу Анзали,³⁸ подальше от любопытных глаз. Обнаженная, она плескалась в теплой воде.

---

³⁴ Полицейский чин в империи Сефевидов.

³⁵ Вероятно, герой имеет в виду Лал Би Тукмак, дочь Ширваншаха Ибрагима I и одну из младших жен Умар-шейха. Впрочем, о печальной участи Лал Би после смерти Умара нам ничего не известно.

³⁶ Одно из названий разведки в тюркских языках.

³⁷ Древнее название Каспийского моря.

³⁸ Лагуна Анзали, или Энзели на южном побережье Каспийского моря, сейчас – курорт.

Солнце ласкало ее мягкими лучами, а небольшие волны бились о крепкие бедра, струи соленой воды змейками стекали меж грудей и ног. Через пару минут она легла на живот, показав всю грациозность юного тела. Подперев рукой подбородок, призывно смотрела на меня и всякий раз, когда волны бились о ее бедра, заразительно смеялась. Пристальный взгляд словно говорил мне: хочу любви, дикой и необузданной. Нужно было быть мертвецом или евнухом, чтобы смотреть на все это безучастно.

Я не стал тогда долго мучить ожиданием свою любимую наложницу и уже через мгновение обнимал ее. Ноги Мунизы крепко сжались вокруг моего торса, когда вдруг она вскрикнула. – Ай! Кажется, меня что-то ущипнуло.

В следующую секунду я увидел проклятую змею, стремительно взметнувшуюся над морской гладью, а затем исчезнувшую в волнах. Я отважно пренебрег опасностью, решив рассмотреть эту тварь повнимательней. Резко вынырнув, неизвестная рептилия с поднятой над поверхностью воды узкой головой стрелой направилась ко мне. Извиваясь всем телом, она плыла так стремительно, что я со страху отпрянул назад. К счастью, змея не пустила в ход свое грозное оружие, а лишь напугала мою спутницу. Тогда мы отошли к давно облюбованной нами прибрежной лачуге и вскоре забыли об этой твари. Рокот волн заглушал все звуки, поэтому никто не мог помешать Мунизе выразить свою ко мне страсть громкими протяжными стонами...

Как бы то ни было, приказы главного визиря не подлежали обсуждению, поэтому сейчас мой путь лежал не к ласковому Бакинскому морю, но в моря далекие и чужие. Аллах не послал нам больших кораблей, поэтому мы отправились из порта Бендер-Аббас на неказистом торговом судне. Лучшие места на нем уже занимали пассажиры из франкских кафиров – венецианские купцы да пара монахов из Генуи, что путешествовали от одной неизведанной земли к другой с непонятными целями. Со мною были еще четверо воинов из людей местного беглярбека³⁹. Я не доверял нашим спутникам, поэтому распорядился чтобы мои мюриды дежурили по двое. Мулла, напутствуя нас перед плаванием, разрешил не молиться в пути и отпустить бороды, как во время священной войны с неверными.

Пока корабль отчаливал, я исподволь наблюдал за нашими попутчиками. Венецианцы даже в жарком климате побережья Персидского залива носили длинные шубы из темного меха. Монахи же выглядели намного скромнее, при этом их внешний вид заставлял задуматься, кем же они являются на самом деле. Для миссионеров они казались слишком высокими и сильными. Кроме ряс, крестов и четок ничего больше не говорило об их статусе. И всех этих людей объединяла в наших глазах одна неприятная деталь: и сами они, и их корабль жутко воняли. Впрочем, эти кафиры находились в пути уже несколько месяцев, и наверняка мечтали о том дне, когда им удастся наконец-то принять теплую ванну. После отплытия из Венеции они уже успели познакомиться с сомнительными удовольствиями Кипра, спуститься в страну черных рабов, а уже оттуда, проследовав вдоль берегов ненавистных нам арабских земель, достигли благословенной Персии.

Мне и раньше доводилось встречать венецианцев и генуэзцев при дворе Шахиншаха. Каждый раз перед началом больших и кровопролитных войн с османами или тимуридами в глазах начинало рябить от их неопрятных лиц. Они бесконечно льстили Шаху и царедворцам, привозили богатые подарки: оружие, белокурых рабынь. Говорили, что в последние время во дворце видели и англичан, которые добирались до нас через земли русов. Чужеземцы были хитры, развратны и сребролюбивы, мы старались им не доверять.

С тех пор как эти проклятые кафиры увеличили объемы морской торговли, Шелковый путь, проходящий через наши города, понемногу стал терять былое величие. Нищали целые города; еще немного – и начнут вымирать целые народы! Где сейчас великие Мерв и Ургенч?⁴⁰

---

³⁹ Наместник провинции.

⁴⁰ Мерв и Ургенч сильно пострадали в ходе завоевательных войн монголов, но добила их природа – старый Ургенч будет

Что стало со славой Бухары и Самарканда? А все почему? Да потому, что эти проклятые стали перевозить весь товар по морю, при этом обманывая нас и стравливая друг с другом!

Что можно было видеть здесь до того пока венецианские купцы не появились при дворе прадеда Шахиншаха, главного врага османов Узун Гасана? Бескрайние земли, горные и степные местности, которые назывались Тураном, – огромный мир суннитов, простиравшийся от берегов Дуная до Памира, называемого «Крышей мира». И что мы наблюдаем сейчас? Раздираемые войнами и междоусобицами две большие империи – Персия кызылбашей и Османский султанат.

За те столетия, пока мы воевали, теряя лучших полководцев, ученых, мастеров, мыслителей, эти безбожники добрались аж до самого Китая. Им оставалось совсем немного – выкрасть секрет производства шелка, и тогда нашему миру конец.

Мрачные мысли, что одолевали меня при виде франков, вдобавок гармонировали с унылым пейзажем за бортом. Так что я делался все более печальным и беспокойным. А еще – чем дальше мы продвигались на восток, тем более чуждые виды и странные нравы наблюдали во время наших вынужденных остановок. Тела людей были черного цвета, как у наших проводников в пустыне. Все порты, в которые мы заходили, кишели людьми в белых одеждах почти без различия пола. Франкских купцов всюду хорошо знали и встречали приветливо.

С начала октября погода начала резко меняться. Море все чаще штормило, начались дожди. Портов на нашем пути становилось все меньше. По берегам виднелись только густые леса да небольшие песчаные участки суши. Спустя несколько дней дожди усилились, почти не прекращаясь, и берега заволкло сплошным туманом.

Правда, находясь в открытом море, мне посчастливилось стать очевидцем одного необычного явления, которое заворожило меня с первой минуты. Когда я видел чарующую игру облаков над морем, мне казалось что ради одного этого зрелища можно перенести любые невзгоды. Во время хорошей солнечной погоды облака принимали самые причудливые формы: они то становились похожими на кавалерию Шахиншаха, состоящую из тысячи всадников, то вдруг начинали напоминать сеятеля, разбрасывающего зерна по бескрайнему голубому полю. Таких затейливых фигур я никогда не наблюдал на суше. А ночами посреди большого скопления облаков появлялись глубокие черные дыры – словно открывалась пасть в преисподнюю. С каждым днем мне становилось все интереснее, чем же сегодня меня удивят облака.

Как-то ранним утром я вышел на палубу. Снизу доносился жуткий запах протухших припасов. Было довольно прохладно, а весь горизонт застилал коричневый туман, напоминающий слабый кофе. На палубе столпились люди. Мне это показалось подозрительным. Я спустился вниз, чтобы предупредить своих спутников, что нужно быть наготове. Мюриды прислушались к моему совету и начали вооружаться. Но не успели мы опомниться, как корабль налетел на что-то твердое. Всех здорово качнуло в сторону.

– Пора подниматься наверх, – тихо произнес я.

На палубе тем временем все пришло в движение. Порты нигде не было видно, и мы причалили к берегу с несколькими десятками небольших, разбросанных тут и там лачуг. Вода была мутная и грязная, повсюду плавали обломки и ветки деревьев с широкими зелеными листьями, а также множество плодов, по форме напоминающих дыню и покрытых твердой чешуей. Таких плодов я раньше никогда не видел.

Ступив на землю, мы почувствовали, что ноги нас почти не держат. Сказались три месяца, проведенные в море с редкими остановками. Мы двигались по песку вразвалочку, покачиваясь из стороны в сторону. Лица у нас были изможденные, но счастливые, ведь Аллах смилостивился над нами и даровал безопасный путь к заветной цели.

– Аллаху Акбар, Аллаху Акбар! – полушепотом проговорил я.

Все эти длинные, холодные дни и ночи одна мысль не давала мне покоя: а если меня убьют или я утону, где тогда омоют тело и завернут ли его в белый кафан⁴¹? Думал я и о том, кто предаст меня земле, кто прочитает суру из Корана над моей могилой, попросив Аллаха простить все прошлые грехи. Меня совсем не устраивало такое окончание жизни – исчезнуть без следа, повторив историю отца.

От размышлений меня отвлек голос одного из моих воинов:

– Сардар, эти гяуры направились вглубь леса, даже не дожидаясь, пока корабль разгрузят!

– Быть может, они хотят, чтобы мы последовали за ними и не смогли разглядеть что за товары выносят на берег? – предположил я. – В таком случае надо вести себя тихо, чтобы ненароком не вызвать подозрений. Пожалуй, ты, Рашхдат и ты, Джавад, оставайтесь здесь и проследите за грузом кафиров, а мы с Керманом и Рази отправимся посмотреть что они задумали! И возьмите мой походный сундук с подарками, он может пригодиться при встречах с местной знатью.

Мы шли по лесной тропинке, спускаясь с холма на холм, уже часа два, когда перед нами будто вдруг открылась широкая долина. Посреди нее, окруженная сотнями аккуратных деревянных хижин, возвышалась черная каменная крепость. Было похоже что ее строили надежно, на века.

Крепость огибал мутный поток реки. Обливаясь потом от жары и усталости, мы направились в долину, по дороге разглядывая неизвестные доселе деревья и странных животных. По деревьям без устали прыгали крикливые существа, чем-то напоминающие собак. Когда они приближались к нам, я и мои спутники приходили в ужас: их страшные клыки и наглые выходки могли испугать любого. Рази хотел прибить одного из них, но я не знал, будет от этого лучше или станет только хуже – в конце-концов, этих тварей было очень много. Потому я запретил ему, решив терпеть причиняемые ими неудобства до конца.

Должен признаться, никогда еще я не видел таких темнокожих людей, странных домов, которые словно висели на упругих ветвях деревьев, и таких причудливых домашних животных. Тут и там слонялись голокожие чудовища с длинными тупыми рылами и множеством рогов, некоторые из которых росли из пасти, некоторые из носа, а другие как будто уже изо лба; за ними семенили их детеныши с такими же уродливыми мордами, только без рогов, из чего я заключил, что рогами они обрастают постепенно, с возрастом.

Мы смотрели на все это широко раскрытыми глазами. Но еще сильнее удивились, когда заглянули на местный рынок. Нас тут же окружили маленькие, черные и грязные торговцы. Не давая нам прохода, они лепетали что-то на непонятном языке, тыкали пальцами в лицо, шею, грудь, дергая при этом за руки. Как будто каждый из них считал своим долгом до нас дотронуться. Медленно пробираясь сквозь толпу этих навязчивых лилипутов, мы старались двигаться вперед, не замечая их мельтешения и постоянно доносящихся окликов.

Наконец мы вышли к реке, за которой виднелся дворец. Он был сложен будто из огромных черных валунов. Необходимо было переправиться на другой берег, и Керман отобрал у какого-то грязного туземца лодку. Вода реки, так же как и прибрежные воды темного моря, была тепловатой и мутной. О Аллах, почему нет ничего светлого и чистого в этих краях? Я чувствовал, что устал от бесконечного путешествия, и думал лишь о том, что, быть может, во дворце смогу найти здешнего беглярьбека и за приятным ужином наконец расспросить его об употреблении змей.

Лодка причалила, мы сошли на берег и направились ко дворцу, где нам тут же преградила дорогу стража.

– Я слуга Шахиншаха, властителя Ирака, Ширвана, Персии, Грузии и других земель... Нам нужно срочно попасть к вашему вождю, к самому главному из ваших вождей, – значи-

---

⁴¹ Полотнище белой ткани, в котором хоронили усопшего в мусульманском мире.

тельно сказал я, указывая рукой наверх. После чего повторил ту же фразу на фарси и на арабском. Но, увы, этот урод с толстой тростью в руках меня не понимал.

Тогда я приказал Керману открыть мой чудесный сундук, достал оттуда маленькую жемчужину и протянул старшему из охранников.

Подарок он принял, хотя, возможно, и не осознавал, что держит в руках. Вскоре подошли еще стражники, окинув нас недовольными взглядами. Пришлось поделиться и с ними. Это растопило сердца стражей, и они нас пропустили.

Перед нами предстала необыкновенная картина. Сам дворец состоял из нескольких помещений очень красивых форм. Атмосфера внутри усадьбы была уже совершенно другой, как бы наполненной светом и свежим, благоухающим воздухом; кажется, чувствовался даже легкий ветерок. Подобные строения я видел впервые в жизни. Насчитал их порядка двадцати, не меньше, и лишь в некоторых имелись двери. Остальные стояли на круглых, массивных колоннах со сверкающими, устремленными в небо куполами. Мне показалось, что все крыши покрыты золотом, как в гробнице отца Шахиншаха у нас в Тебризе.

Чем больше я разглядывал дворец с прилегающими к нему постройками, тем сильнее им очаровывался. Здесь многое казалось необычным.

«Как такое может быть?» – задавал я сам себе вопрос. – Там, на улице, – сырость, духота, грязь, а здесь чудесная погода и сияющая чистота. За воротами – нищета и разруха, а внутри все утопает в роскоши и чувствуется гармония».

Вскоре показались придворные. Они были легко одеты, носили накидки желтого цвета, аккуратно перекинутые через плечо.

Нам было предложено пройти в большую комнату для тщательного досмотра. Мы решили, что в скором времени хозяин дворца примет нас, но оказалось, что сейчас он занят более неотложными делами. Поэтому пришлось ожидать его приглашения в месте, специально отведенном для гостей.

В комнату внесли бочки, наполненные теплой водой, в которых плавали большие, испускающие чудесный аромат алые лепестки цветов. Затем появились красивые служанки и очень вежливыми жестами пригласили нас погрузиться в принесенные сосуды. Моя охрана посмотрела на меня, а я – на нее. Эти девицы никак не напоминали кровожадных убийц, желающих заманить нас в западню.

– Они всего лишь хотят нам послужить. Не станем им мешать, – сказал я.

Мы весело и дружно залезли в бочки, а девушки, рассмеявшись, под бодрую песню на незнакомом языке начали тереть наши огрубевшие мужские спины. Это было божественно. Ароматная вода теплыми струйками стекала по нашим телам, а ее цвет будоражил воображение. Он напоминал дыню, разрезанную пополам, вот только с совершенно иным запахом. Руки каждой из служанок были обернуты большими зелеными листьями.

Они поглядывали друг на друга, хохотали, подмигивали, а мы достигали долгожданного расслабления, ощущая непреходящее блаженство. После долгих месяцев пути, при постоянной качке и без какой-либо возможности смыть с себя дорожную грязь, мы словно в раю очутились. Наш рай, изображенный в хадисах, был полон юных девственниц с чистейшей нежной кожей и большими миндалевидными глазами. Именно такими сейчас казались мне эти служанки. Вскоре воду в бочках сменили, и купание продолжилось.

Когда банные процедуры подошли к концу, нам принесли национальную одежду. Только полотно, и больше ничего. Мы долго смеялись, не зная, как облачиться в странный наряд: то перекидывали его через плечо, то пытались повязать вокруг талии, то соединяли первый способ со вторым, но ничего не выходило. Наконец одна из девушек знаками показала нам, как надо.

Как быстро, сменяя одну крайность другой, преобразается мир. Пока мы шли сюда, все виделось мрачным и неприятным. Люди же во дворце оказались совсем другими – богатыми,

ухоженными и одетыми во все чистое. По оказанному вниманию и всеобщему хорошему расположению духа совсем нетрудно было догадаться, что с любовью здесь все в порядке. Стоило подумать об этом, и мне до одури захотелось новых, захватывающих ароматов, движений, страсти – всего того, по чему я успел соскучиться.

Глава 6

*Как змея, небосвод изовьется лазурным кольцом, Чтобы землю
пожрать пред своим неизбежным концом.*

Хозяин дворца и сопредельных земель смог принять нас только на следующий день. Это был изящный, достаточно молодой человек с небольшими усиками на смуглом лице. Его приближенные лежали на полу и, если им нужно было что-то сказать своему господину, подползали ближе, извиваясь как змеи. Слава Аллаху, нам при Шахиншахе хотя бы разрешалось стоять на собственных, данных Творцом, ногах. Все говорило о том, что встреча будет очень короткой и не совсем для нас удобной. Я тщетно пытался объяснить, из каких краев и зачем мы прибыли. Но никто не мог перевести местному правителю моих слов.

– Досточтимый! Мой Шахиншах, Покровитель обоих святых городов мусульманского мира, Медины и Мекки, глава Дома Сефевидов Тахмасиб выражает тебе свое глубокое почтение! – произнес я громко и членораздельно.

Такой тон был выбран неслучайно, так как в душе я надеялся, что хотя бы по форме или манере обращения хозяин дворца сможет уловить всю важность произнесенной мною речи. Однако он не выказывал никаких эмоций, а лишь с любопытством скользил взглядом по чужеземцам. Иногда лишь поворачивался к своему помощнику, который мигом подползал к нему за распоряжениями.

Поняв, что словами здесь ничего не добиться, я велел принести сундук и начал медленно извлекать оттуда дары один за другим. Сначала я преподнес джайпурский набор посуды для завтрака цвета голубого неба, затем последовал серебряный кувшин в технике фирузе-куби, покрытый бирюзой из Нишапура – родины Омара Хайяма. Увидев сверкающий кард⁴², сделанный из дамасской стали, рукояткой которого служил рог тура, хозяин оживился. Но самый главный бакшиш⁴³ я оставил, как говорится, на десерт. Это были доспехи «чахар-айне», известные как «четыре зеркала», которые надевали на Шахиншаха перед боем. Они состояли из прямоугольных металлических пластин с тонкой гравировкой, соединенных с помощью ремней и петель.

То, что я не смог выразить словами, красноречиво сказали за меня заморские дары. Ценные подношения были разложены перед хозяином дворца, он принялся внимательно их разглядывать. Расширенные от изумления глаза местного властителя перебежали от одного предмета к другому. Совершенно не обращая на нас внимания, он брал их в руки, прижимал к груди, поглаживал, а кувшин с бирюзовыми вставками даже чуть облизал языком. Слуги в изумлении наблюдали за своим господином. Отношение к нам сразу же переменялось. Нас тут же пригласили пройти в другую часть дворца, из окон которой открывался вид на дивный сад, наполненный птичьим пением. Вскоре явились придворные, вместе с испуганным человечком, который немного говорил на фарси – интересно, где они его прятали раньше, – сели вокруг нас и начали расспрашивать про Персию. Их интересовало буквально все – начиная от природных богатств, обычаев, обрядов и заканчивая национальной кухней. Также просили на своих картах показать границы нашей Империи. Карт было две – китайская и венецианская – и обе неточные: ни на одной из них мы не обнаружили Персии. Как же так? Могущественная Персидская империя, которая простиралась аж до берегов Тигра и Евфрата, не была известна туземцам?! Похоже, соседи как с Запада, так и Востока не прочь были предать забвению нашу великую цивилизацию!

---

⁴² Иранский тип ножа, используемый также в качестве боевого оружия.

⁴³ Бакшиш – слово, происходящее из языка пехлеви (среднеперсидского), означает большой дар или подарок.

После многочасовой беседы, которая из-за трудностей понимания оказалась весьма изнурительной, нам разрешили вернуться в свои покои, предупредив что поздно вечером в нашу честь будет дан большой ужин.

Так и случилось. Когда стемнело, за нами пришли слуги и толмач. Угодливо улыбаясь и коверкая фарси, он пригласил нас следовать на пир. Нас повели через бесконечные залы, переходы и внутренние дворы. Даже после того, что мы уже видели во дворце, их красота поражала воображение. Я-то думал что видывал в жизни уже почти все, а все-таки нашелся на земле край, которому было чем меня удивить!.. Особенно меня поразил храм с огромным изваянием тучного человека, который сидел, даже не скрестив, а будто переплетя ноги. Вероятно, это был их главный идол. Сооружение, в котором была помещена статуя, также не имело дверей, а его колонны были необычайно высокими, с богатой резьбой.

Когда мы дошли до нужного места, перед нами открылась небольшая четырехугольная площадка. Над нею был навес, который соорудили из высоких толстых стволов неизвестного дерева. Стволы были прямыми и гладкими, отшлифованными до абсолютного блеска.

– Свита очень расслаблена, наверное будем трапезничать без господина, – предположил Рази.

Нас встретил один из вельмож, не из самых приближенных – я помнил что когда мы встречались с хозяином дворца, он находился не рядом с тронем, а в некотором отдалении. У придворного была добрая улыбка и абсолютно лысая голова.

Широкий стол, установленный под одним из навесов, был полон различных украшений. При этом часть стола была накрыта черной парчой и под ней что-то дергалось. Что именно – в полутьме разглядеть было трудно.

Нас отвлекло мычание огромного быка. Трое слуг ввели его на веревках в залу, едва справляясь с могучим животным. Когда бык упирал копыта в землю, лишь многочисленные толчки побуждали его идти дальше. При этом никто из слуг ни разу не ударил быка.

Когда вся группа остановилась перед нами, человек десять зацепились за ноги животного, словно бык собирался провалиться под землю. Один из слуг даже натянул его хвост. А другой положил под брюхом деревянный таз. Затем появился жрец с небольшим ножом. Он быстрыми движениями сделал три надреза в области брюха животного: одно большое сразу под брюхом и два по сторонам. Быка начало мотать из стороны в сторону, а из его огромного уда заструилась моча. Разрезы жреца были такими искусными и правильными, что крови было немного, а шкуру оказалось легко приподнять. Так и сделали. Кожу быка оттянули и начали вырезать из-под нее маленькие кусочки мяса. Бык бился и жалостно мычал, но слугам было все равно. Они тихо, со знанием дела продолжали свое занятие. Зрелище было не из тех что доставляет удовольствие. Перед тем как предложить нам свежее мясо, его посыпали крупной солью. На вид тонкое до прозрачности, мясо оказалось очень жестким. Мы сосредоточенно жевали, показывая одобрительные знаки, чтобы не обидеть хозяев. К нашему счастью, вскоре быка убрали с глаз.

Теперь нас подвели к столу, сдернув черную ткань. Под нею оказались те самые отвратительные животные размером с небольших собак или крупных кошек, которые в изобилии скакали по деревьям прибрежного леса. Они были живыми, но черепа их были раскрыты, как пасть верблюда. Внутренности их голов слуги радушно предложили нам отведать. Как не старались мы сохранить спокойствие, цвет лица, вероятно, выдавал нас с потрохами. Это было одно из самых неаппетитных зрелищ какое я видел в жизни; особенно отталкивающе выглядели глазницы животных, где вместо глаз застыли белые, бездвижные месива.

– Почтенный сардар, – запинаясь, обратился я к вельможе, – прости, но наша религия запрещает есть животных, которых мы не знаем.

При этом я указывал руками вверх, давая понять что есть вещи выше моих сил. Вельможа проявил понимание и пригласил нас к другому концу стола, где ждал очередной сюрприз.

Здесь под черной тканью оказался огромный чан, заполненный фруктами, что были похожи на яблоки или куриные яйца. Из мешка, который стоял рядом, прислуга начала доставать огромных змей. От одного их шипения обдавало холодом. Слуги открывали гадам рты специальными щипцами и заталкивали внутрь яйцевидные фрукты, предварительно очищенные от кожуры. Затем змею брали за хвост и начинали беспорядочно вертеть: вверх-вниз, кругами, как попало. Зрелище было странным и не обещало ничего хорошего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.